

Fiedrowicz M. Handbuch der Patristik. Quellentexte zur Theologie der Kirchenväter. Freiburg: Herder, 2010. 688 s.

Настоящей рецензией на книгу «Справочник по патристике: Основные тексты по богословию отцов Церкви» мы продолжаем следить за научной активностью профессора Трирского университета, являющегося одновременно приглашенным профессором Свободного университета Берлина, признанного в научном мире специалистом по церковной истории и патристике Михаэля Фидровича. Его предыдущая монография — *Theologie der Kirchenväter. Grundlagen frühchristlicher Glaubensreflexion* («Богословие отцов Церкви: Основноположения вероучительного самосознания в раннем христианстве»), вышедшая в 2007 г. в том же фрайбургском издательстве «Гердер», — получила освещение в Вестнике ПСТГУ (Серия I: Богословие. Философия. 2008. № 24). Теперешняя публикация является логическим, или, точнее, материальным продолжением первой, — она представляет собой обширную антологию патристических и соборных текстов (841 фрагмент со сквозной индексацией) из греческих, латинских и сирийских источников в немецких переводах, выстроенных в соответствии с принципами систематизации древнехристианской богословской мысли, предложенными М. Фидровичем в предыдущей книге.

Такого рода двухчастная форма не нова для нашего автора. В 2000 г. он опубликовал аналитический разбор письменных документов о культурном и идеологическом противостоянии христиан и язычников в первые века христианской истории¹, а в 2004 г. — собрание фрагментов самих этих источников, отобранных по тематическому принципу². Такой композиционный прием дает исследователю широкие возможности для убедительной реконструкции содержательной стороны исторически удаленных от нас памятников раннехристианской письменности, имеющих определяющее значение для христианской традиции как таковой. Вместе с тем подобная организация материала оставляет простор для авторской интерпретации порой весьма непростых построений богословской аргументации древних христианских писателей, которая проявляется хотя бы в ходе отбора материала, уже не говоря о его развернутом представлении в первой книге единого цикла.

¹ *Fiedrowicz M. Apologie im frühen Christentum. Die Kontroverse um den christlichen Wahrheitsanspruch in den ersten Jahrhunderten. Paderborn, 2000.*

² *Idem. Christen und Heiden. Quellentexte zu ihrer Auseinandersetzung in der Antike. Darmstadt, 2004.*

Исходный мотив методологии, избранной и с успехом применяемой М. Фидровичем, заключается в необходимости сближения, точнее, возвращения друг к другу, фундаментальных богословских дисциплин, в продолжение столетий, начиная с эпохи Реформации, далеко разошедшихся друг от друга, — патрологии и догматики, или, в более широком плане, исторических и систематических богословских дисциплин. Свое главное соображение при отборе фрагментов из патристических, а также отчасти канонических памятников М. Фидрович объясняет стремлением предложить для индивидуального изучения или академического исследования некие критерии в понимании самими отцами Церкви христианского богословия во всем его богатстве и многообразии. Он предлагает отойти от привычного принципа представления богословия святых отцов как подборки отдельных мнений, высказанных ими по тому или иному поводу, держась существенно иного истолкования его природы как целостного видения стоявших перед ними задач и обретенного ими знания. Иными словами, автор предпринимает попытку встать на позицию самих древних святых отцов в осмыслении ключевых принципов богословского знания, а не навязать им убеждения о природе богословия, сформированные иной исторической и идейной актуальностью.

Позиция автора по вопросу о взаимоотношении догматического богословия и патрологии как самостоятельных научных дисциплин обладает не только научной ценностью, но и богословской актуальностью, ведь в последние десятилетия богословие отцов Церкви с успехом отвоевывает себе важное место в куррикулуме богословских наук. Автор стоит на традиционной для католического богослова точке зрения, которая, впрочем, всецело совпадает и с православной, согласно которой отцы Церкви продолжают оставаться для нас и сегодня «богословским локусом» (*locus theologicus*). Ведь именно святоотеческое богословие является в полном смысле аутентичным богословием. Стало быть, богословскому делу мы должны учиться прежде всего у них. Вместе с тем парадоксальность ситуации заключается в том, что, с одной стороны, авторитет святоотеческого богословия признается безусловным, однако, с другой стороны, по-настоящему его теоретические основания продолжают оставаться по большому счету неизвестными. Этим последним обстоятельством и обусловлена востребованность и своевременность предлагаемой М. Фидровичем систематизации и текстологической подборки по богословию отцов Церкви, чтобы богословский локус святоотеческого наследия вновь стал пространством для интенсивной научной и духовной работы.

Фокус исследовательского внимания М. Фидровича нацелен на методологические, теоретические первоэлементы святоотеческого богословия, оставляя вне специального изучения такие вопросы, как предмет веры, то есть самое божественное бытие, и содержание веры, например учение о Святой Троице или об Иисусе Христе. Иными словами, он ставит перед собой задачу выявления регулятивных принципов патристического богословия, оставляя в стороне заботу о его конститутивных элементах. На языке Канта это означает, что богословие святых отцов изучается не с точки зрения его исторического становления и не в аспекте его вероучительного содержания. Оно исследуется в своих базовых по-

ложениях и фундаментальных установках, регламентирующих богословскую деятельность. Причем М. Фидрович отчетливо проводит методологическую границу между знанием, в данном случае знанием богословским, и самосознанием, или, здесь, самосознанием богослова и богословия; иными словами, между знанием как содержанием и самосознанием как формой. К исследуемым регулятивным принципам относятся такие первоэлементы богословского самосознания, как вопрос о сущности богословия, о его предназначении, проблема богословского метода, константы и конвергенты богословского языка. Если относительно конститутивных принципов ортодоксального богословия в традиционных конфессиях существует более или менее ясное единомыслие, например в том, что касается постановлений Вселенских соборов, то регулятивные принципы святоотеческого богословия остаются для нас во многом не проясненными. Стало быть, установление подлинного самосознания христианского богословия первого тысячелетия оказывается насущной задачей для современного богословия, претендующего на статус правопреемницы дела святых отцов.

Авторский вклад М. Фидровича в рецензируемом «Справочнике по патристике», как и во всяком компилятивном труде, заключается главным образом в принципах систематизации. М. Фидрович предлагает такую схему патристического богословия — девять генеральных тем, объединенных в соответствующие разделы: 1) легитимность вероучительной рефлексии; 2) принцип преемства богословского знания, или Священное Предание; 3) Священное Писание и его толкование; 4) правило веры как норма вероучительного определения; 5) соответствие правила молитвы правилу веры (*lex orandi — lex credendi*); 6) патристический аргумент в ходе богословской полемики; 7) церковные соборы в становлении догматического учения Церкви; 8) догматическое развитие в истории богословской мысли; 9) ортодоксия и ересь.

Закономерность выделения именно таких «регулятивных» принципов объясняется последовательностью постановки следующих главных проблем: а) природа богословия, б) источники богословия, в) форма богословия, г) аргументы богословия. Под природой богословия следует понимать рефлексивную стадию верующего сознания, в ходе которой решаются вопросы о связи веры и знания, об отношении веры и разума; под источниками богословия опознаются апостольское предание и апостольское преемство, Писание и его толкование в традиции Церкви; под преобладающими формами богословия понимаются вероучительные определения, канонические постановления и крещальные символы, отвечающие содержанию религиозной жизни в Церкви; наконец, среди аргументов богословия весомым значением обладают аргумент патристический, канонический, феномен богословского развития, а также различие ортодоксального и гетеродоксального богословия. При рассмотрении всех этих тем на предметном материале патристического наследия первого тысячелетия обнаруживается большое разнообразие мнений по отдельным вопросам, что, впрочем, нисколько не нарушает общую, вполне целостную картину.

Каждый раздел имеет внутри себя более подробную тематизацию. Каждый параграф содержит краткое обоснование и авторское объяснение, новейшую библиографию и, собственно, антологию патристических текстов по предмету.

Сквозная индексация по всей книге дает возможность отсылать читателя к любому разделу книги, где тематика пересекается, что, несомненно, имеет немалые эвристические преимущества. Фрагменты антологии даются по-немецки с указанием базовых критических изданий оригинального текста и принятой датировкой, что, конечно, хорошо ориентирует читателя и дает ему необходимые сведения о качестве цитируемого текста. Таким образом, автору удается представить подлинную картину той или иной богословской темы в ее оригинальном (источник) и актуальном (историография) измерениях.

Полагаю, не лишено смысла проследить содержание основных разделов составленной М. Фидровичем антологии, обратив внимание на некоторые основополагающие аспекты мысли святых отцов, направленные на выявление самосознания христианского богословия.

В разделе «Легитимность вероучительной рефлексии» речь идет, собственно, о природе веры и природе богословия как изложения христианского вероучения: права простой веры отстаиваются в ходе полемики с гностиками, а герменевтика традиции и полемические потребности церковной догматики усиливают позиции *рассуждающей веры*. Особый вклад в усиление рефлексивной культуры христианского богословия вносит александрийская традиция, полученная в наследство как греческими богословами, прежде всего Каппадокийцами, так и латинскими богословами IV–V вв., Иеронимом и Августином, имевшими, впрочем, достаточно сильные корни и среди латиноязычных предшественников — у Тертуллиана, Арнобия и Лактанция.

Второй раздел называется «Обращенность к первоначалу: принцип предания», в котором подобранные фрагменты недвусмысленно показывают, что вопрос о предании для патристического сознания являлся свидетельством достоверности учения и верности церковного положения отдельной общины. Именно апелляция к апостольскому происхождению того или иного вероучительного положения или церковного обыкновения имела первостепенное значение для их признания. Для ранних авторов, в особенности для писателей II в., соответствие преданию означало прежде всего фактическую преэминентность поместной церковной традиции, восходящей к апостолам.

Раздел «Мерило Писания», посвященный роли Священного Писания для богословия, необычайно важен и содержателен. Писание понимается как «Слово Божие», как прямая речь Бога и потому имеет совершенно особенный и исключительный статус. Оно задает христианам нормы веры и церковной жизни. Святые отцы затрагивали также вопросы толкования священного текста. Их практически единодушное мнение заключалось в неперменном требовании того, что богодухновенности Писания должно соответствовать проникнутое Святым Духом состояние его толкователя. В противном случае толкование может быть ошибочным. Немало внимания древних богословов занимает избирательность еретиков в их обращении к Писанию: то, что им кажется приемлемым, они принимают за истинное свидетельство, а что противоречит их учению — за ложное. Для церковных богословов само Писание служит критерием истины, и по нему следует выверять свое понимание истины, тогда как обычная тактика еретиков заключается в подмене понятий, стоящих за словами Писания.

Особенно ценна подборка ключевых патристических текстов, касающихся методов толкования Писания, для которой М. Фидрович предлагает такие обобщения: типология, аллегорико-символическое толкование, споры об аллегорическом толковании, общие принципы толкования. Ключевой проблемой экзегетической методологии является различие типологического и аллегорического методов. Патристические тексты показывают, что главное отличие типологии от аллегорезы заключается в следующем: первая целиком сосредоточена на Христе и всем, связанным с его служением, вторая распространяется на все прочие возможные предметы, сюжеты и смыслы.

Следующий раздел «Правило веры и вероисповедание: норма и выражение богословского размышления» содержит свидетельства об историческом развитии крещального символа, легшего в основу соборных вероучительных определений. Первый подобного рода собор состоялся в Антиохии в 268 г. в связи с учением Павла Самосатского. На примере приведенных фрагментов, хорошо видно, как соборные определения, будучи сосредоточены на каких-то специальных богословских темах, вызванных современными потребностями, постепенно обособились от крещальных символов. Патристические тексты много и красноречиво говорят о терминологической гибкости вероучительных определений: такова была позиция святителя Афанасия, последовательно выдерживавшаяся в течение всей его жизни, ей же следовал и святитель Василий. В упрочении этой богословской интуиции важная роль принадлежит святителю Григорию Богослову.

В самом кратком разделе «*lex orandi — lex credendi*» приводятся знаменитые слова Ириней Лионского: «Наше учение согласно с Евхаристией, а Евхаристия в свою очередь обосновывает наше учение» (*Adversus haereses* 4. 18). Корреляция сакраментального и догматического богословия присутствует в святоотеческом сознании как один из важнейших аргументов в пользу достоверности православного учения.

Интересно проследить судьбы возникновения и развития патристического аргумента, представленного многочисленными текстами в разделе «Аргумент от святых отцов». Становление святоотеческого самосознания богословской традиции совпадает со временем освобождения Церкви от гнета гонений и проникновением богословия в общество и государство. Впрочем, в полную силу патристический аргумент начал использоваться уже в пору христологических споров. И связано это прежде всего с деятельностью святителя Кирилла Александрийского.

Самоочевидным при реконструкции богословского самосознания древней Церкви представляется раздел «Церковные соборы», в котором древние источники показывают, как возникла соборная норма, как формализовались основные принципы церковной каноники. Вопрос богословского единомыслия на представительных церковных собраниях регламентировался убежденностью в том, что «несогласие обосновывает истину, но истина обосновывает согласие». Соборно выраженное учение имеет два измерения — синхронное, ограниченное потребностями своего времени, и диахронное, распространяющее свое значение на все времена. Не обойден стороной важнейший вопрос рецепции богословского законотворчества соборов. И здесь М. Фидрович также выявляет

два основных измерения — рецепция горизонтальная, в географическом смысле, то есть признание всей полнотой Церкви в данную эпоху, и вертикальная, в темпоральном смысле, признание, возводящее данное учение к апостольской традиции и распространяющее то или иное соборное постановление на последующие эпохи.

Важнейший раздел озаглавлен как «Вероуचितельное развитие», или, иными словами, догматическое развитие. Подобранные фрагменты и соответствующий им комментарий составителя очевидным образом говорят о такой особенности всякого богословского творчества, как его совершенствование или развитие, под которым понимается улучшение формальной стороны богословия, но никоим образом не его содержания, заданного в известный момент времени божественным Откровением. Во избежание недоумений следует привести цитату из основополагающего для данного случая текста, принадлежащего западному богослову Викентию Лиринскому, которому в настоящем справочнике вообще уделяется немало места: «Но, может быть, кто-нибудь скажет и так, в церкви Христовой не должно быть никакого преуспеяния религии? Всеконечно должно быть и притом весьма большое; ибо кто так завистлив людям и так ненавистен Богу, что решится не допустить этого? Только преуспеяние это должно быть действительно преуспеянием, а не переменою веры. Преуспеяние состоит в том, когда тот или другой предмет усовершенствуется в самом себе, а перемена в том, когда что-нибудь перестает быть тем, что оно есть» (Commonitorium 23).

Наконец, последний раздел — «Православие и ересь» — посвящен становлению нормативных представлений об аутентичном и девиантном изложениях церковного богословия. М. Фидрович идентифицирует главные определения церковности того или иного богословского учения по следующим критериям: «кафолическое» как горизонтальное измерение церковности, «апостольское» — как диахроническое.

Разумеется, предложенная М. Фидровичем внушительная по своему объему подборка патристических фрагментов, не может исчерпать даже намеченные автором основные темы богословского самосознания древнего христианства; однако она, несомненно, является точкой отсчета для развития каждой отдельной темы в перспективе святоотеческой мысли, поскольку по каждому вопросу составитель приводит базовые тексты, задающие собой дальнейшие перспективы в истории богословской мысли.

Междисциплинарный характер исследования, находящегося на стыке патрологии, истории канонического права, истории догматов, философской теологии и прочих дисциплинарных разделов богословия, придает ему особую ценность. Ведь областью применения исследовательской методологии оказывается не тот или иной автор или памятник, что характерно для патрологического исследования, не та или иная преемственность, протяженная во времени и пространстве, составляющая собой предмет церковной истории, не тот или иной аспект церковной доктрины, относящийся к каноническому праву или догматическому богословию, но релевантные элементы богословского самосознания древнего христианства. Таким образом, монументальный двухтомный труд автора оказывается герменевтикой первооснов христианского богословия, и в том

случае если мы признаём, что святоотеческое богословие продолжает оставаться наилучшим и наивысшим образцом для всей последующей богословской традиции христианства, нам необходимо их изучать. В этом отношении данное исследование носит явно новаторский характер и потому может сослужить хорошую службу специалистам в самых разных областях гуманитарного знания, имеющим дело с христианским богословием.

*П. Б. Михайлов
(ПСТГУ)*

Baumann N. Die Demut als Grundlage aller Tugenden bei Augustinus. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009 (Patrologia; 21). 334 s.

Как указывает сам Ноткер Бауман во введении к своей книге и как уже до того отмечал Корнелиус Майер в статье о смирении («Humiliatio, humilitas»), написанной им для *Augustinus-Lexikon*¹, в исследовательской литературе о добродетели смирения у Августина нет недостатка. В самом деле, разным аспектам смирения в сочинениях Августина посвящено не только множество статей, журнальных и энциклопедических, но и несколько специальных монографий, среди них, например, превосходная книга Отто Шаффнера «Христианское смирение. Учение святого Августина о humilitas»¹. В таких обстоятельствах появление новой книги о добродетели смирения у Августина, кажется, нуждается в объяснении.

Объяснение дает нам сам автор на первых страницах книги, когда приводит обзор работ своих предшественников. Цель его исследования точно соответствует заглавию книги: она заключается в том, чтобы всесторонне рассмотреть тему соотношения смирения с другими добродетелями по Августину, а также выяснить в связи с этим место Августина в ряду других мыслителей, обращавших особое внимание на смирение. Действительно, другие статьи и монографии, когда они касались этой темы, не рассматривали ее специально, а если и рассматривали, то недостаточно систематически.

Этой задаче подчинена композиция книги, общий ее план. В первой главе («*Virtus humilitatis*» — «Смирение как добродетель у Августина») автор подтверждает статус смирения как добродетели вообще, для чего ему сначала требуется рассмотреть понятие добродетели у Августина и показать в связи с этим ядро учения Августина о добродетели — учение о любви (*caritas*), по отношению к которой определяется у Августина ценность всех человеческих качеств. По ходу рассмотрения обсуждаются такие вопросы, как ложные добродетели и добродетели в традиционной (языческой) римской культуре. Главный вывод, к которому Н. Бауман приходит в этой главе, состоит в том, что *humilitas*, которая в дохристианском мире была связана с понятием слабости, в христианстве — благодаря спасительному самоуничижению Христа — стала не просто добродетелью, но добродетелью основополагающей.

¹ *Schaffner O. Christliche Demut: des Hl. Augustinus Lehre von der Humilitas. Würzburg, 1959.*